

Р. О. Шор и напечатанный в виде приложения к русскому переводу этой книги, мало удовлетворителен. Некоторую помощь может оказать выходящий в скором времени в переводе на русский язык краткий очерк современного языкознания Пизани. Создание нового пособия по всему курсу «История языкознания» возможно лишь как результат большой коллективной работы целой группы языковедов. Возможно, что Институт языкознания АН СССР должен был бы взять на себя инициативу в создании такого коллектива и поставить вопрос о включении такой темы в координационные планы институтов языков некоторых республиканских академий (УССР, Груз. ССР и др.). Можно было бы привлечь к этой работе и некоторых преподавателей вузов.

Первым этапом работы должно было бы быть создание печатного проспекта, который мог бы подвергнуться всестороннему обсуждению. Очевидно, что работа над созданием подобного пособия потребовала бы нескольких лет. Тем нужнее опубликование более скромных работ, статей, брошюр, касающихся деятельности отдельных языковедов и целых направлений. Статьи акад. В. В. Виноградова об акад. Л. В. Щербе, Л. В. Щербы о Бодуэне де Куртене, С. И. Бернштейна об А. А. Шахматове дают известный материал для соответствующих тем курса «История языкознания», хотя и написаны для других целей. Можно назвать недавно изданную МГУ брошюру Р. А. Будагова о Ф. де Соссюре и ряд статей, напечатанных в журнале «Вопросы языкознания» и других периодических изданиях. Но все это крайне недостаточно.

Нужно, чтобы журнал «Вопросы языкознания» систематически печатал материалы по истории языкознания, чтобы эта тематика заняла соответствующее место в данном журнале. Следует обратить внимание Учпедгиза на необходимость печатания небольших брошюр (2—3 печ. листа), посвященных анализу взглядов, в первую очередь, отечественных, а также крупнейших зарубежных языковедов. Было бы желательно, чтобы в серию популярных изданий, планируемых Академией наук СССР, были включены брошюры, посвященные отдельным темам языкознания XIX и XX вв.

Во всех наших вузах пишутся десятки диссертаций на лингвистическую тематику. Но монографии, посвященные анализу системы взглядов отдельных языковедов и целых направлений, почти отсутствуют в списках тем кандидатских и докторских диссертаций. Однако нет нужды доказывать полезность подобных работ, отдельные разделы которых, несомненно, были бы напечатаны. Темы по истории отечественного и зарубежного языкознания могли бы быть включены и в планы научно-исследовательских работ вузов. Все названные мероприятия должны иметь одну цель: создание разнообразной научной и популярной литературы по вопросам истории языкознания, обеспечивающей проведение этого курса во всех вузах, где ведется подготовка специалистов по языку.

М. М. Гужман

КУРС «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК» И ЕГО ПРОГРАММА¹

Ни одна дисциплина из русского языковедческого цикла не осуществляет в такой степени связь науки с жизнью, как курс «Современный русский язык».

Какова бы ни была дальнейшая практическая и общественная деятельность студента-русиста, она в той или иной мере связана с современным русским языком. Специалист-филолог постоянно сталкивается с разнообразными вопросами современного литературного языка, с вопросами его словарной, грамматической, орфоэпической нормы. Такие вопросы требуют не только практического решения, но и теоретического обоснования. Учитель русского языка и литературы, чтобы хорошо преподавать свой предмет, чтобы успешно работать над культурой речи учащихся, чтобы уметь самостоятельно оценивать язык и стиль произведений художественной литературы, должен свободно ориентироваться в обширном языковом материале.

Постигнутый учащимися в известной системе в школе, русский язык, будучи родным или вторым родным языком, представляет собою выгодный материал для перехода от собственно учебных к научным занятиям. Дореволюционная высшая школа считала необходимым разрушить у студентов те неправильные языковые представления, какие давались тогда учащимся в средней школе, заменить их новыми, соответствующими научному уровню. В настоящее время такого разрыва, такого противоречия между средней и высшей школой нет, и тем явственнее выступают особенности курса «Современный русский язык» как в отношении объема материала, так и в отношении метода его изложения.

¹ Статья обсуждалась на заседании кафедры русского языка ЛГУ. Автор благодарит участников обсуждения и Е. С. Истрину за ценные указания.

По действующему учебному плану Отделения русского языка и литературы филологического факультета Ленинградского университета курс «Современный русский язык» читается на 5—6—7-м семестрах, после изучения курсов «Введение в языкознание», «Старославянский язык», «Диалектология», «Историческая грамматика», и идет параллельно с изучением курса «История русского литературного языка». При таком построении учебного плана курс «Современный русский язык» завершает этот лингвистический цикл, и все предшествующие языковедческие дисциплины находят в нем обобщение и завершение, конкретизацию и углубление. Подобная последовательность дисциплин кажется нам рациональной, но такая ответственная роль курса ка многим объясняет.

Каковы основные задачи данного курса?

Первая задача — усвоение самого материала науки о русском языке. У студента-филолога даже на 5-м семестре обучения нет отчетливого представления о специфике литературного языка, его стилевых разновидностях, нет ясного понимания общественного значения и научного обоснования литературной нормы, нет систематических знаний о словарном составе русского языка, поверхностны сведения о его синтаксической системе, словообразовании и т. д.

Реализация первой задачи невозможна без выполнения второй — знакомства со специальной литературой и развития навыков чтения научной литературы. Студент обязан изучить основные труды отечественных языковедов, создавших самую науку о современном русском языке: труды А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, С. П. Обнорского и др.

И, наконец, третья, чрезвычайно важная задача — овладение лингвистической методологией на материале современного русского языка и усвоение навыков самостоятельной исследовательской работы.

Как выполнить эти задачи? Прежде всего, необходимо строить курс так, чтобы были отчетливы его общие методологические положения и чтобы исчерпывающее освещение получили основные проблемы и разделы. В лекциях следует обстоятельно излагать такие темы, как понятие литературного языка и его нормы, состав современной лексики и фразеологии, звуковая система языка и законы русской орфоэпии, теоретическое обоснование современной орфографии, учение о частях речи, основы словообразования, система именного склонения, категория вида и залога русского глагола, взаимоотношение грамматических категорий и переход одной части речи в другую, синтаксис словосочетания, синтаксис предложения и др.

Если одни темы в лекциях раскрываются полно, то другие характеризуются сжато, третьи — переносятся на практические занятия или на самостоятельную работу студента. Лекционный материал должен закрепляться в коллоквиумах, специальное проведение которых особенно необходимо в тех случаях, когда практические занятия отстают от лекций, не идут с ними параллельно. Так, например, на филологическом факультете ЛГУ уже в конце сентября проводится коллоквиум на тему «Понятие русского литературного языка»; рекомендуется следующий список литературы: Л. В. Щерба, Современный русский литературный язык, «Р. яз. в шк.», 1939, № 4; В. В. Виноградов, Величие и мощь русского языка, вып. 1, [М.], «Правда», 1944; С. П. Обнорский й, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 3—8 (Предисловие); А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941 (глава «Происхождение современного русского литературного языка») и др. В конце октября организуется другой коллоквиум на тему «Современное литературное произношение». Сооставление нормативных положений в статье Д. Н. Ушакова «Русская орфоэпия и ее задачи» (сб. «Русская речь», Новая серия, III, Л., 1928) с положениями, данными в работе Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (2-е изд., М., 1954), а также во вводной части I тома «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и в соответствующих главах «Грамматики русского языка» Академии наук, приводит к выводу об изменениях в области современной орфоэпии. Материалы небольшой статьи А. С. Никulina «Орфоэпия по ответам на вопросник академической „Грамматики русского языка“» («Р. яз. в шк.», 1941, № 2) показывают, как происходят поиски литературной нормы, как создается ее научное обоснование. Очень полезно также ознакомление с брошюрой М. И. Матусевич «Русское литературное произношение» (Л., изд. Всесоюз. о-ва по распропр. полит. и науч. знаний, 1953).

Студента следует значительно чаще и смелее, чем мы это делаем, отсылать к учебному пособию. Засилье марризма на протяжении двух десятилетий породило нигилистическое отношение к учебной книге. В высшей школе все еще как бы бояться учебника по лингвистическим дисциплинам. Преподаватель стремится все рассказать, а студент все записать и, выучив записанное, сдать зачет или экзамен тому же преподавателю. Между тем польза от изучения не только хорошего, но и просто удовлетворительного учебного пособия несомненна. По курсу «Современный русский язык»

в настоящее время уже имеется некоторое количество учебных пособий. Наличие даже посредственного учебника освобождает преподавателя от необходимости читать все разделы программы.

В лекциях безусловно должны освещаться основные направления в науке о русском языке. Очень важно давать оценку рекомендуемой по этому вопросу литературы. Крайне желательно, чтобы студент умел характеризовать лингвистические направления не только с общих методологических позиций, например, логическое, психологическое, морфологическое направление в развитии русской грамматической мысли, но и отчетливо понимал бы, что и в пределах одного методологического направления возможно различное освещение отдельных категорий, например таких, как категория залога, в которой сложно сочетаются морфологические, синтаксические и лексические явления. Однако на лекции, на практические занятия не должны перегружаться изложением спорных вопросов нашей науки, тогда как фактический материал предмета должен быть представлен в отчетливой обобщающей системе.

Этот ответственный курс необходимо связывать с другими языковедческими дисциплинами, включенными в учебный план. Прежде всего, должна осуществляться связь с курсом «Введение в языкознание», который закладывает теоретический фундамент для дальнейших занятий языком, дает необходимую сумму общих лингвистических сведений, знакомит с лингвистической терминологией. Исторический подход к современным явлениям языка, изучение литературного языка как развивающейся и совершенствующейся системы требует тесного контакта курса «Современный русский язык» с историческими дисциплинами русского языковедческого цикла. Этот контакт естественно устанавливается по всем разделам программы. Например, при изучении чередования звуков современного русского языка и обусловленного им членения слова на морфемы необходимо использовать знания по старославянскому языку. Это не только углубляет изложение материала по современному русскому языку, но и способствует усвоению самого старославянского языка. Также нужны целесообразные обращения к курсу исторической грамматики, особенно при обосновании существующих в языке дублетных форм. Указания на пережиточный характер тех или иных явлений, на те или иные непродуктивные в современном русском языке формы заостряют внимание студентов к языковым фактам, возбуждают у студентов интерес к научным изысканиям.

К сожалению, совсем не осуществляется связь литературоведческих дисциплин с курсом «Современный русский язык», хотя материал курса стилистики и поэтики непосредственно стимулирует к этому.

Необходимо также учитывать, что параллельно с курсом «Современный русский язык», начиная с 5-го семестра и на протяжении 6—7—8-го семестров, читаются специальные курсы по русскому языку и ведутся занятия в специальных семинарах. В 1953/54 и 1954/55 учебных годах на кафедре русского языка Ленинградского университета читаются следующие специальные курсы: «Русская лексикография и лексикология», «Роль территориальных диалектов в развитии литературного языка», «Современное литературное произношение», «Теория и история русской орфографии», «Система словообразования», «Части речи в русском языке», «Синтаксис словосочетания», «Безличное предложение», «Учение о сложном предложении» и др. Организованы семинары: «Морфология и синтаксис глагола», «Второстепенные члены предложения», «Номинативное предложение», «Специальная лексика в языке художественной литературы», «Язык советской драматургии» и др.

Опыт работы показывает, что, к сожалению, даже в университете значительная часть студентов нуждается в закреплении навыков по орфографии и пунктуации, поэтому приходится включать в учебный план 1-го и 2-го семестров соответствующий практикум.

Для разрешения больших методологических и практических задач курса «Современный русский язык» в первую очередь нужна стройная и тщательно продуманная во всех деталях программа.

Составленная после дискуссии по вопросам языкознания программа 1951 г. явилась ценным вкладом в дело подготовки лингвистических кадров: она освобождала курс «Современный русский язык» от ошибок теории Марра, давала отчетливую ориентацию на марксистское учение о языке, точнее и глубже характеризовала систему литературного языка, последовательнее использовала лучшие достижения отечественного языкознания.

К сожалению, работа над новым изданием программы не устранила, а даже усилила некоторые ее недостатки. Программа 1953 г.¹, как и предыдущая, перегружена материалом, в ней много повторений. Журнал «Вопросы языкознания» совершенно

¹ «Программа по современному русскому языку (для филол. фак-тов гос. ун-тов)», Изд-во Моск. ун-та, 1953.

справедливо отметил, что «в программе по современному русскому языку повторяются те же вопросы общего языкознания, которые занимают центральное место в программе курса „Введение в языкознание“. Так, например, почти полностью совпадают разделы о слове, об основном словарном фонде и словарном составе языка, о фонеме, слоге, членении на слоги и интонационно-смысловом членении речи, о предмете и задачах грамматики, о морфологии и синтаксисе и др. Программа по современному русскому языку не меньше, чем на одну четверть (а по объему времени гораздо больше) повторяет, дублирует вопросы из программ по „Введению в языкознание“¹. К этому еще нужно прибавить, что многие пункты программы курса «Современный русский язык» включены в программы других специальных дисциплин. Например, тема «Литературный язык и диалекты» рассматривается, кроме курса «Введение в языкознание», в курсах «Русская диалектология», «История русского литературного языка», «Современный русский язык».

В программе многое остается неясным в связи с тем, что она в значительной части дает лишь номенклатурный перечень вопросов, указывает объем материала, план его изложения, но не направляет своими формулировками к определенному теоретическому объяснению языковых фактов.

*

Переработка программы нередко сводится к перестановке пунктов из одного раздела в другой, что подтверждается сопоставлением отдельных частей программ 1947, 1949, 1951, 1953 годов. Педагогическая роль учебных программ при подобной «переработке» безусловно снижается, тем более, что эта перестановка далеко не всегда улучшает дело. Так, например, «Введение» в последней редакции программы явно нарушает логическую последовательность изложения материала: в тему «Связи русского языка с языками других народов» вклиниваются темы, раскрывающие понятие литературного языка и процесс его образования. Уже во «Введении» программа значительно полнее и глубже должна была бы представить проблему литературной нормы, ее общественную обусловленность; может быть, стоит отметить дореволюционный пуризм и ложность его установок. В разделе «Лексика и лексикология» многое остается неясным, многое, на наш взгляд, к данному курсу не относится.

Программа рекомендует преподавателю определить главные разряды слов основного словарного фонда по значению, и, очевидно, предполагает определение таких же разрядов слов словарного состава. Но какие это слова конкретно? Вопрос о критериях выделения слов основного словарного фонда сложен, и именно программа, ориентирующая на определенные идеи, должна была бы наметить примерные разряды этих слов.

Нельзя не согласиться со справедливым замечанием акад. В. В. Виноградова о том, что «студент, знакомящийся со строем современного русского языка, языка советской эпохи, попадает в довольно странное положение. Филолог-русист на третьем году обучения в высшей школе уже знаком с историей звукового и морфологического строя русского языка, но он не представляет себе ясно ни развития и исторического усовершенствования синтаксиса русского языка, ни исторических изменений словарного запаса общерусского языка, ни процесса развития его основного словарного фонда»². Конечно, нужно стремиться к тому, чтобы студент знал все это, но невозможно осуществлять зафиксированное в программе предложение — выявить на современном материале общеславянскую и восточнославянскую лексику, а затем определить исконно русскую лексику и ее отличительные признаки. На какие авторитетные исследования в этой части следует опираться? Не преждевременно ли включение этих ответственных вопросов в программу высшей школы?

Зато роль словообразования в развитии и обогащении лексики русского языка в программе не раскрыта: не названы основные типы словообразования, неологизмы и их типы даны вне связи со словообразованием. Между тем эти вопросы должны занимать в разделе лексики центральное место.

В программу следует включить пункт о разных путях заимствования слов: через непосредственное общение носителей языков (например, слова финские, татарские) и через литературный язык (например, французские слова в XVIII в.).

В разделе «Основные черты развития русской лексики в советскую эпоху» без каких-либо пояснений сказано: «Перемещение ряда слов из словарного состава в основной словарный фонд русского литературного языка». Перемещение, очевидно, возможно и обратное. Но каких именно слов? Формулировка нуждается в конкрети-

¹ «О лингвистическом высшем образовании и подготовке научных кадров по языкознанию [передача]», ВЯ, 1954, № 2, стр. 11.

² В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», [М.], 1950, стр. 210.

зации. Кроме того, данное явление возможно не только в языке советской эпохи; подобные перемещения были на протяжении всей истории языка. На наш взгляд, лучше в этот раздел ввести пункты о проблеме словарной нормы, о борьбе за точность слова и идеологическую выдержанность речи.

Лексикография в программе, к сожалению, дана вне всякой связи с лексикологией. Основной недостаток отдела «Лексика и лексикология» — перегруженность разнообразной и зачастую мало доступной для большинства русистов тематикой. При крайней бедности учебных пособиями по лексике, при отсутствии специальных исследований по ряду лексикологических вопросов исчерпывающее изложение материала этого отдела представляет большую трудность для преподавателя.

*

Неясно, каково отношение фонетики к лексике и грамматике: во «Введении» ничего не говорится о разделах курса и их взаимоотношении. Сопоставляя программу 1953 г. с программами предыдущих лет, замечаешь, что отдел «Фонетика» сокращен, что из него почему-то исключены некоторые важные вопросы. В программе нет вопросов о транскрипции и ее типах, об источниках отклонения от литературного произношения. При характеристике орфографии не указываются не только дифференцирующие написания, но и традиционные. Непонятно, чем это объясняется.

Иногда содержание раздела не отвечает его заглавию. В разделе «Графика и орфография» после заголовка «Слитные и раздельные написания» дана тема «Правильное написание прописных букв». В разделе «Орфоэпия» есть заголовок: «Исторические основы русского литературного произношения», но об этих основах больше ничего не сказано, а сразу дан пункт «Варианты русского литературного произношения».

Вообще отдел крайне беден направляющими формулировками. Что значит, например, «Особенности произношения некоторых слов иноязычного происхождения»? Ожидается ли здесь перечень отдельных слов или должны быть высказаны какие-то общие положения? Не лучше ли так сформулировать вопрос программы, чтобы ясно было, как его раскрывать, например: «Колебания в произношении иноязычных слов по законам данного языка и языка русского (*тэмп—темп*)». Каким содержанием нужно наполнить тему «Отклонения от литературного произношения»? Пойдет ли здесь речь об узаконенных отклонениях от традиционного московского произношения или о случайных, индивидуальных отклонениях, или об отклонениях, распространяющихся в наше время?

В программу следовало бы включить учение акад. Л. В. Щербы о полном и разговорном стиле речи. Необходимо отметить значение орфографических словарей.

*

Сопоставление двух редакций программы — 1951 и 1953 гг. — по отделу «Грамматика» также показывает, что частые переделки не идут на пользу учебной программе. Неизвестно, например, что заставило авторов в программе 1953 г. снять все определения частей речи по значению. При характеристике имени существительного, имени прилагательного указаны лишь их морфологические признаки и синтаксические функции, но не говорится об общем значении этих частей речи. Имя числительное, местоимение не определяются, а сразу даются их разряды. Лишен общего определения по значению и глагол.

В последней редакции программы нет определения значений отдельных грамматических форм и категорий, а в программе 1951 г. они были; например, значение категорий вида, наклонения и др. Непонятно, для чего это сделано, если на протяжении всей истории нашей науки усилия лучших отечественных языковедов были направлены именно на выявление смысла, значения наблюдаемых в языке форм.

В программе 1953 г., пересмотренной, очевидно, в спешке, пропущены важные грамматические факты: безличные глаголы, усеченные формы прилагательных, по дважды сказано об ударении в кратких прилагательных; нет вопроса о соотношении различных разрядов числительных по грамматическим формам с другими частями речи, но даны разряды местоимений по соотношению с наречиями.

Неотчетливо сформулированы параграфы о переходе одной части речи в другую. В § 4 написано: «Существительные, образовавшиеся из прилагательных, и их склонения». Неясно, какой здесь имеется случай: *белок* от *белый* или «белые» («красные») от *белый*. Ниже, в § 5, говорится об «образовании прилагательных из причастий». Это неточно, так как причастия получают значение прилагательных, а термин «образование» в том смысле, как он был употреблен, здесь применить нельзя.

Категории вида и залога включены в описание спрягаемых форм глагола, чем создается впечатление, будто другие глагольные формы вида и залога не имеют. Нехороша формулировка: «Виды и способы их образования». Виды не всегда «образуются», а присущи данным глаголам (*идти, нести*). Не лучше ли сказать: «Совершенный

и несовершенный вид и способы образования одного вида от другого? Очевидно, ошибочно в тему «Соотношение времени и вида» попало наклонение. Не всегда в программе выдержана терминология: кроме синтаксической функции и синтаксической роли той или иной части речи, еще говорится о «синтаксическом использовании» (неопределенная форма глагола), «об употреблении» (притяжательные прилагательные).

*

Еще худшее впечатление производит отдел «Синтаксис»: по преимуществу — это голый перечень вопросов, без установок, без идей; в нем совсем не упоминается о литературной норме в синтаксисе, о стилистической характеристике синтаксических явлений. Забыто, что «описательная грамматика не может не ставить перед собой нормативных целей: она не просто фиксирует то, что есть в языке, не эмпирически описывает и коллекционирует факты, а описывает их в системе. Ее задача — не просто отразить грамматический строй языка в его современном состоянии, но и указать, что соответствует законам языка и что этим законам противоречит. Научная описательная грамматика современного литературного языка должна быть нормативной»¹.

Все синтаксические явления даны в статике. Программа не стимулирует преподавателя к показу постоянного совершенствования грамматического строя русского языка. Вопрос о соотношении описательного и исторического синтаксиса даже не поставлен.

Опущены отмеченные программой 1951 г. значения ряда синтаксических явлений. В отделе «Синтаксис» преподаватель также находит немотивированные и чаще всего неудачные перестановки разделов и неожиданные пропуски многих важных явлений синтаксиса современного языка.

Сделаем несколько частных замечаний.

1. Синтаксис определяется не только как учение о сочетании слов в предложении, но и как учение о типах предложения. Последнее определение очень удачно, так как охватывает собою и простое предложение. Задерживает внимание формулировка «Предложение как основная синтаксическая единица общения и обмена мыслями».

Разве общение не предполагает обмена мыслями?

2. В разделе «Словосочетания» не указаны главные и второстепенные способы выражения синтаксических отношений. Среди различных видов синтаксической связи опущена связь сочинительная. Нельзя противопоставлять свободные словосочетания фразеологическим, так как не всякое несвободное словосочетание есть сочетание фразеологическое.

3. В прежней программе не нашел себе места вопрос о модальности высказывания; теперь этот недостаток удачно устранен введением темы «Типы предложений по характеру выражаемого в них отношения к действительности и их различное интонационное оформление».

4. По сравнению с программой 1951 г. вопрос об именном сказуемом в новом издании программы сужен: представлено только «именное составное сказуемое». Это позволяет предположить, что программа относит к составному именному сказуемому именное сказуемое без связки, тем более что опущено замечание о закономерности отсутствия связки при выражении в именном сказуемом значения настоящего времени.

5. Следовало бы включить вопрос о принципах классификации второстепенных членов предложения, о соотношении между второстепенными членами и частями речи, ввести замечания о различии управляемых определений и примычных дополнений, прилагательных дополнений и обстоятельственных слов, необходимо определять синтаксическую роль инфинитива. Программа рассматривает второстепенные члены как средство распространения только двусоставного предложения, между тем распространенным может быть и предложение односоставное.

6. Совсем выпущена тема о прямом и обратном порядке слов в предложении. Неповытно, чем вызвано исключение этого важного вопроса.

7. Исходя в данном случае, повидимому, из требований формального, регистрирующего метода, программа не рекомендует определять в курсе синтаксическую функцию обособленных второстепенных членов предложения, не рекомендует выявлять условия их обособления.

8. Тема «Типы односоставных предложений» передвинута, и, таким образом, все основные вопросы структуры простого предложения отнесены к предложениям двусоставным, между тем и второстепенные члены, и однородные, и обособленные члены, и вводные слова, обращения, междометия могут быть и в односоставном предложении. Это нарушение внутренней стройности усиливается еще тем, что тема «Неполные пред-

¹ «Вопросы составления описательных грамматик. (Коллективный доклад на Совещании по вопросам составления описательных грамматик, лексикографии и диалектологии 18—23 мая 1953 г.)», ВЯ, 1953, № 4, стр. 3.

ложения» следует сразу за односоставными, которые по природе своей, за весьма редкими исключениями, являются полными, а вопрос об отличии неполных предложений от односоставных программой снят.

9. Вслед за безличными и номинативными предложениями в программе идут «Междоменные предложения и их функции». Очевидно, междоменные предложения рассматриваются в плане классификации предложений, данной акад. А. А. Шахматовым; но разве не правильнее было бы поставить только вопрос о междоменных предложениях, точно так же, как и вопрос о предложениях вокативных?

10. Следует включить в программу вопрос о классификации придаточных предложений, а также, что особо важно, вопрос о классификации предложений бессоюзных, поскольку в специальной литературе по этому вопросу высказываются различные мнения. Не стоит ли дать определение периода как особой формы сложного предложения литературно-книжного языка.

11. В литературном языке, помимо прямой и косвенной речи, имеются различные формы несобственно прямой речи, поэтому в программу следовало бы ввести пункт о всех способах выражения чужой речи.

12. При изложении системы русской пунктуации необходимо охарактеризовать смысловые, интонационные и собственно грамматические ее основы. В заключительном разделе синтаксиса есть пункт «Обзор употребления знаков препинания». Что надлежит делать преподавателю, когда он читает этот раздел? Повторять весь курс синтаксиса? О знаках препинания, на наш взгляд, следует говорить в связи с прохождением соответствующего синтаксического материала: например, при определении явлений осложнения простого предложения, при определении природы сложного предложения.

В заключение еще раз отметим, что программа в новом издании, к сожалению, не ставит вопроса о грамматической норме, не пытается указать на стилистические варианты синтаксических конструкций, ничего не говорит о грамматических синонимах. Программа не ориентирует на рассмотрение явлений современного русского языка в их движении. Специальные разделы программы не являются руководством ни для преподавателя, ни для студента.

И еще одно. Мы постоянно сетуем на то, что учащиеся высшей школы плохо ориентируются в специальной литературе. Но программа не популяризирует имена отечественных языковедов. Почему в тексте программы при изложении вопросов фонетики, орфоэпии и орфографии не названы имена Л. В. Щербы, Д. Н. Ушакова, в параграфах о двусоставном и односоставном предложении не указываются работы А. А. Шахматова, а в параграфе об обособлении — А. А. Потебни, А. М. Пешковского и т. д.?

Приложенный к программе список литературы во вводной части должен быть значительно сокращен, а в специальной. — разделен на основную и дополнительную.